

Полина Луговая

ЛЮБИТЬ НЕ СТРАШНО

Полина Луговая

Любить не страшно

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40275540

ISBN 9785448538933

Аннотация

Читая рукопись, я не дышала, даже не жила, не тут, не на этой планете. Я сидела на кровати рядом с маленькой девочкой и ждала, ждала, когда сильнейшая из женщин, которую я знаю, найдёт своего ребёнка, когда я ещё раз смогу убедиться в её стойкости и внутреннем стержне. И убедилась. И зауважала ещё сильнее. Такие люди дают мне надежду. Такие истории поддерживают мою надежду. Надежду в то, что мы ещё не убили эту планету и себя. (Александра Климова, 17 лет, иллюстратор книги)

Содержание

Предисловие	5
Часть I. Это у нас Анечка	7
Глава 1. Тот самый сон, он снился мне с детства	7
Воспоминание дочери, записанное мною	11
Белокурая девочка	12
Школа профессиональных родителей	15
Первая встреча	18
Глава 2. Маугли. Дорога к дому	32
Встреча с Добби	34
Первый вечер	35
Первая ночь	37
Первое утро	37
Игра в «ляльку»	39
Первый поцелуй	39
Каша	42
Первые дни дома	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Любить не страшно

Полина Луговая

Иллюстратор Александра Климова

Редактор Ольга Климова

© Полина Луговая, 2017

© Александра Климова, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-3893-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

С детства я была замкнутой.

Чтобы было легче преодолевать трудности, я вела дневник, записывая всё происходящее, свои мысли и рассуждения. Со временем это стало привычкой. И вот однажды мне захотелось рассказать одну из историй.

А началось всё так...

Я обратила внимание, что Анята стала задумчивой и даже грустной. В последнее время, мне казалось, она иногда тихонько плакала перед сном. Что-то сильно тревожило её.

Утром в выходной день мы с ней, как обычно, встали раньше всех. Умылись, сели завтракать и за столом принялись болтать обо всём.

– Доченька, – спросила я, – ты последнюю неделю ходишь, как мне показалось, грустной. У тебя что-то случилось?

– Да нет, я просто всё думаю и думаю, – опуская глазки, пробормотала Анята.

– О чём? – как бы между прочим спросила я.

Пауза затянулась.

Я налила чай. Анята, не поднимая глаз, теребила кончик пояса халата. А когда посмотрела на меня, её глаза были полны слёз.

Мне стало ясно: случилось что-то серьёзное.

Подсев к девочке на диван, я шепнула ей на ушко:

– Доченька, у нас с тобой секретов нет, мы любим друг друга, как мама и дочка, как подруги. А дружба для того и существует, чтобы всегда и во всем друг другу помогать, идти по жизни вместе. Ты согласна со мной?

Она обняла меня, поцеловала и тяжело выдохнула:

– Мне в садике сказали, что вы с папой украли меня из детского дома...

Я была не готова к этому сейчас. Думала, это может случиться в школе – в садике детки ещё маленькие... ведь ей всего шесть лет.

Не меняя выражения лица, спросила:

– А кто тебе сказал?

Помолчав, Аня ответила:

– Подруга.

– У тебя много подруг, а какая из них?

– Маша.

Сохраняя спокойный тон, я продолжала:

– Интересно, а кто ей об этом рассказал?

Аня, поняв, что ругаться никто не собирается и её подруге ничего не угрожает, пояснила:

– Она мне сказала, что ей сказала её мама и что её мама сказала, чтобы она мне не говорила... А она мне сказала...

Часть I. Это у нас Анечка

Глава 1. Тот самый сон, он снился мне с детства

Сажу я в детской спальне, у входа, на маленькой кроватке. В большой комнате четыре ряда по пять аккуратно заправленных кроватей. Полумрак. И от меня весело, как бы играя, убегает ребёнок. Вижу спинку, светлые волосики, не по размеру большие трусики чуть ниже талии...

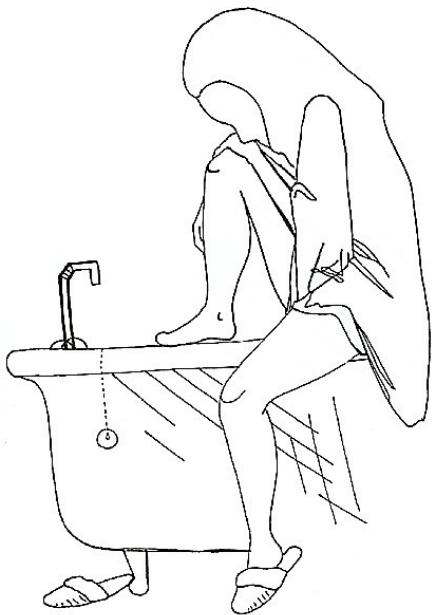

Этот сон снился мне с детства, и очень часто, что всегда заставляло меня погружаться в раздумье.

Всё началось с лета 2009 года, когда пришло ко мне *это*

чувство. Мне захотелось подарить кому-нибудь любовь, тепло, нежность, заботу. И чем больше я отдавала любви и заботы близким, тем больше у меня её становилось. Тогда я спросила себя: «Что это всё значит?». И вдруг стала видеть объявления на растяжках, в газетах: «Ему нужна мама» или «Подарите ему свою любовь». В салоне красоты, ожидая приёма, открыла на первой попавшейся странице модный журнал, а там маленькая статья под названием: «Они ждут родителей».

И я поняла, что значит *это* чувство.

Моя жизнь кипела: любимая работа, дружная семья, хорошие друзья, диссертация, наконец. Но стоило сесть за руль или закрыть глаза, лежа в ванне, как я сразу возвращалась в мир детства и своей мечты, когда мне было пять лет. Почему-то в пятилетнем возрасте я считала, что жить мне ещё очень долго – девяносто пять лет – и мечтала, когда вырасту, родить пятерых детей и ещё пятерых забрать из детского дома.

В сентябре 2010 года, какого числа, уже не помню, просыпаюсь ночью со словами: «Нам нужно скорее. Нас ждёт ребёнок, и ему очень плохо». Окончательно очнувшись ото сна, вижу сидящего передо мной, крайне удивлённого мужа. Неяркий лунный свет падал на его лицо, глаза смеялись, а губы расплывались в улыбке. Он обнял меня и, покачивая, произнёс тихим убаюкивающим голосом: «Всех вылечат, и тебя тоже».

Утром рассказала, что опять видела *тот* сон и что мой внутренний голос (голос моего ангела-хранителя) объяснил мне, что есть малыш, ему очень плохо, и поэтому нужно спешить.

В этот же день у нас с мужем состоялся серьёзный разговор по поводу возможности усыновления ребёнка. На моё удивление Данила меня не только поддержал, но и сказал, что сам часто об этом думает.

Так начались поиски ребёнка. Я выписала телефоны всех детских домов и стала обзванивать их.

В одном из детских домов директор порекомендовал начать с органов опеки.

Воспоминание дочери, записанное мною через несколько месяцев после усыновления

...Было тепло, солнечно. Мне было три годов. Сначала

мы ехали на автобусе, а потом долго шли. Нас было много детёв. Когда зашли в цеховь, там было много людёв. Батюшка был большой, подходил к каждому детёншшу, читал молитву и вот так молился, ну, крестился. А потом мене одели крестик, я вот так покрестилась и попросила, чтобы меня скорее забрал мама... с папой. Это был такой радостный день, столько было свечёв и огоньков...

Позже у воспитателей детского дома я узнала, что ходили они в церковь в сентябре 2010 года.

В январе 2011 года я нашла номер отдела опеки и позвонила:

– Здравствуйте, Марина Юрьевна. Я врач, имею семью, двоих сыновей, хочу усыновить ребёнка. Мне нужно как можно быстрее с вами встретиться.

– Здравствуйте. А почему такая срочность?

– Потому что он нас очень ждёт, и ему плохо без нас.

Воспоминание Марины Юрьевны, специалиста органов опеки

Мне показался настолько несерьёзным этот звонок и этот человек, насколько потом всё оказалось серьёзным. И как хорошо, что я узнала эту семью!

Белокурая девочка

В органах опеки назначили время. Встретили очень доброжелательно, много говорили, после чего дали направление

на учёбу в школу профессиональных родителей и большой список документов, которые нам нужно было собрать.

Отчетливо помню, как шла по коридору, стараясь не смотреть на вывешенные на стене портреты детей, но было чувство, что увидела всех.

В эту же ночь мне приснилось, что фотография с нижнего края стенда выдвигается вперёд, увеличиваясь в размерах, и с неё смотрит мне в глаза белокурая девочка, которая запомнилась больше остальных.

Как-то вечером старший сын увидел на кухне документы в школу профессиональных родителей, стал спрашивать, что это всё значит. Мы с мужем сообщили, что наконец-то решились поучиться и стать для них с братом профессиональными предками. Поддерживая наш юмор, сын радовался и шутил. После такой весёлой разминки мы перешли к серьёзному разговору. Теперь уже обсуждали втроём: каждый проговаривал свои мысли, страхи, делал предложения. Наша беседа закончилась полным одобрением нас, родителей, старшим сыном. Гоша сказал, что гордится нами и будет помогать во всём. Единственным его пожеланием было взять по возможности сестрёнку, так как младшего братика ему хватало по полной программе.

На следующий день я поехала за младшим сыном, который учился в кадетской школе. Радостный, он бухнулся на переднее сидение машины, рядом со мной. В дороге, как обычно, много говорил, рассказывая о своей жизни. Я вни-

мательно слушала его и всё думала, как и когда начать разговор. Вдруг Тимочка замолчал, посмотрел на меня и неожиданно спросил:

– Мамуль, а ты о чём думаешь? Или что-то случилось?

– Нет, ничего не случилось.... Просто я часто думаю, что есть на свете дети, у которых нет родителей, понимаешь, нет мамы, нет папы. Представляешь, как им плохо. Они выходят из детского дома во взрослую жизнь... и им даже некому пожаловаться, попросить совета... просто спросить, что делать, как быть... грустно... вот, например, как ты относишься к тому, что люди усыновляют детей?

– Мамуль, ты думаешь, я не понимаю, что происходит?

– А что происходит?

– А номера телефонов детских домов, которые ты недавно искала в интернете? Ты думаешь, я не понял, для чего?

– И для чего?

– Насколько я знаю своих родителей, чтобы усыновить, ну, или удочерить ребёнка...

– И... как ты на это смотришь?

– Буду краток: положительно.

– А тебя не смущает то, что вам с Гошей придётся делиться всем, что есть?

– В смысле?

– Но теперь вас будет на одного больше.

– Но если ты имеешь в виду моего старшего брата, то я

с большой радостью подарю его *ему*, лучше *ей*, и без делёжки.

Воспоминание Тимы

Всё понял, когда мама узнавала адреса детских домов через интернет... В начале февраля мы с Гошей увидели документы из школы профессиональных родителей, похихикали...

Однажды ехали в машине из «кадетки». Была лютая зима. Мама заводила разговор осторожно, ходила вокруг да около. Рассказывала, что есть детки на белом свете, а у них нет родителей, и как им трудно в этой жизни. После чего я понял тайну вселенной и смысл жизни... потом мы круто тормознули... мысль тайная улетела... и я тут такой понимаю, что у нас будет раб, если братан, и просто сестра, если сестрёнка...

Школа профессиональных родителей

Мы с мужем не пропускали ни одного занятия.

Боялись опоздать, не услышать чего-то очень важного. Было всё интересно, познавательно. Нам читали лекции врачи (педиатры, неврологи, психиатры, инфекционисты), юристы, психологи. И самое удивительное, многие из них были волонтерами.

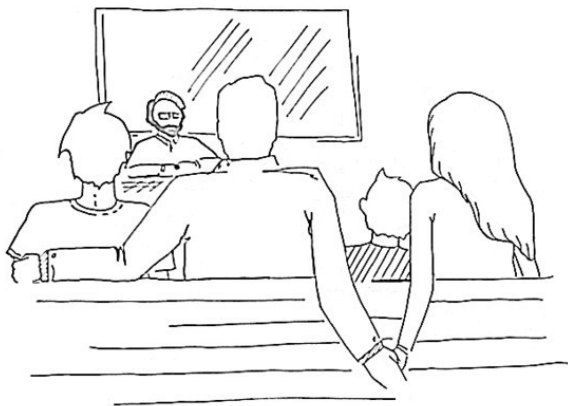
В группе, где мы занимались, было человек тридцать, если не больше. Публика разношёрстная: рабочие, учителя, инженеры, врачи, архитекторы, домохозяйки, дипломаты и даже

студенты. Дружба между нами, слушателями курсов, вспыхнула в первые же минуты знакомства. В зале царили тепло, сострадание, сочувствие, любовь, понимание и доброта. Слушатели были обыкновенными людьми, но в то же время они были людьми, населявшими *планету мира*.

После курса лекций мы стали ещё более уверенными и решительными. Мы осознали, во-первых, что не нужно занимать место биологических родителей, нужно встать с ними рядом. Во-вторых, мы поняли, что нужно любить ребёнка и быть снисходительными к нему и благодарными биологическим родителям за то хотя бы, что они родили нашего ребёнка. В-третьих, уяснили, что говорить с детьми надо всегда честно, глаза в глаза, какой бы ни казалась катастрофической ситуация. В-четвертых, мы решили для себя, что не будем скрывать отсутствия родства по крови. Ребёнок имеет право знать свои корни. В-пятых, нам стало легко от осознания того, что имеют значение не гены, а поведенческие стереотипы, и их можно будет корректировать и перенаправлять, а это значит, нет чужих детей – дети все свои. В-шестых, нам стало очень спокойно от уверенности, что все специалисты центра в любое время придут нам на помощь.

Нам с мужем было очень приятно, что время от времени на занятия приходили наши сыновья, иногда даже сбежав с уроков. В такие дни мы учились всей семьёй. Мальчишки слушали внимательно, с большим интересом, одобрительно поглядывали на нас, улыбались.

Наши страхи рассеивались, постепенно наша семья росла духовно, мы становились ещё ближе друг другу и более уверенно шли к своей цели. В итоге мы были готовы к усыновлению на двести процентов.

После окончания занятий мы с Даниилой писали контрольные тесты. Результаты показали, что наша пара может усыновить хоть весь детский дом и вдобавок ещё своих родить.

Следующим этапом были медосмотры. Все медосмотры мы прошли честно в тех клиниках, где требовалось, несмотря на то, что я, например, прохожу их два раза в год. Мы оказались здоровыми и могли усыновить ребёнка. Справки о доходах, характеристики с мест наших работ явились ещё

одной ступенью к заветной цели.

Несмотря на спешку, поиск ребёнка задержался: мне надо было закончить работу над диссертацией. Мы вместе с мужем днём и ночью торопились её доделать, чтобы я наконец могла защититься. И когда в очередной раз защиту предложили отложить, теперь на осень, я решила отказаться от работы и заявила:

«Делайте с ней что хотите, в моей жизни теперь другие планы». В итоге защита состоялась летом, и всё окончилось благополучно. Параллельно мы готовились к процессу усыновления.

Первая встреча

Всё шло по плану, но я всё время торопилась, будто боялась куда-то опоздать, будто чувствовала, что нас очень ждёт малыш и что ему очень плохо.

Взяв в сентябре отпуск, пошла в органы опеки. Там мне дали адрес детского дома и небольшой список детей, круглых сирот. Детский дом я не выбирала, мне дали направление в особенный детский дом. Я врач, поэтому сразу поняла, с какими детками буду иметь дело. Но это меня не остановило. Я знала одно, что сразу узнаю своего ребёнка, почувствую его.

В подготовке к усыновлению мне очень помогала сестра, которая всегда рядом со мной. «Мне кажется, – сказа-

ла она, когда мы вышли из органов опеки, – что это первый и последний детский дом. Второго не будет. Ты идёшь сейчас так уверенно, как будто знаешь этот маршрут, как будто и не слышишь, что это особенные дети. И, что мне очень нравится, тебя это не останавливает и не отпугивает».

Завтра должен был вернуться из командировки муж, и мы с сестрой приехали к директору детского дома, чтобы договориться о встрече через пару дней. С нами любезно поговорили, сказали, что будут ждать. Счастливые, мы направились к выходу. И тут нас остановил вопрос главного врача:

– Разве вы не хотите посмотреть деток сейчас?

У меня от страха похолодели ноги, онемел язык. Собравшись с духом, я пролепетала:

– Я боюсь без мужа, мы всегда с ним всё делаем вместе... я не могу без него... он будет завтра.

– Чего вы боитесь? – сказал главный врач.

– А вдруг мне понравится один ребёнок, а ему – другой?..

Тогда сестра, чтобы разрядить обстановку, воскликнула: «Двоих возьмёте!». И меня буквально вытолкали на улицу, где гуляли дети.

Ноги мои налились тяжестью, холод пробрался в живот, сердце забилось, в ушах зашумело, в голове запульсировало. Мне стало жарко, потом снова холодно. Вот в таком виде я предстала перед детьми.

Чтобы хоть как-то успокоиться, я стала мысленно просить своего ангела-хранителя: «Помоги мне найти моего ребёнка,

который так сильно звал, так долго ждал, что я его уже люблю». Очнулась я от того, что какой-то малыш схватил меня за руку и стал весело прыгать.

Вращаясь с ним по кругу и разговаривая с воспитателем, я искала глазами *своего* ребёнка.

Немного позже я заметила сидящую поодаль маленькую девочку, крохотный комочек, одетый в чуть большего размера, но добротную чистую одежду. Осторожно следя за мной, малышка делала вид, что копает ямку около песочницы. Наши глаза встретились, я подмигнула ей, она покраснела, засмущалась и опустила глазки, а по её губкам скользнула робкая улыбка.

Это была *она*, моя доченька...

Я не слышала, что говорили вокруг. Неожиданно прервав воспитателей, спросила:

– А как зовут вон ту девочку?

– Это у нас Анечка, – ответили мне.

Прогулка закончилась, нас с сестрой повели в группу.

Я не могла дождаться, когда зайдёт Аня. И когда наконец её подвели ко мне, я вспомнила ту белокурую девчушку с фотографии на стене отдела опеки.

Спасибо тебе, мой ангел-хранитель, мы встретились!

Надо сказать, список осиротевших детей состоял из семи человек. Аня в нём была последней. Из рассказа о ней я узнала, что она родилась в июле и по гороскопу рак.

Весь вечер следующего дня я громко сообщала с интерва-

лом в несколько минут: «Хочу девочку-рака». Данила сидел за компьютером и завершал серьёзную работу. Проходя мимо него, я тихонечко повторяла: «Хочу девочку-рака. Хочу девочку-рака». Мне казалось, он меня не слышит...

Сентябрь 2011 года. Мы собрались ехать в детский дом. От волнения я не смогла сесть за руль.

Пришлось поехать на автобусе, ведь в нашей семье вожу машину только я. А я почти не спала ночью, всё думала, как там моя девочка без меня.

Данила был радостным. Пытался меня развеселить, рассказывал анекдоты, весёлые истории. Потом понял, что всё бесполезно, спросил:

– Почему моя любимая жена в таком напряжении?

– Боюсь, что она тебе не понравится, – ответила я.

– Девочка, которая рак? Так я вообще-то уже понял, что мы едем именно за ней, – улыбаясь и заглядывая мне в глаза, ответил Данила.

У меня сразу отлегло от сердца, стало легче дышать. Я поняла, что он слышал меня вчера.

Нас встретила приятная женщина, уже знакомая мне главный врач детского дома. В её кабинете мы долго разговаривали, пока детки обедали. Она пыталась рассказать нам о заболеваниях каждого ребёнка, чтобы мы были морально готовы к усыновлению, если не передумаем. Но мы предложили другой вариант: сначала мы находим своего ребёнка, а затем узнаём его диагноз.

На этом и порешили.

В группу мы зашли, когда большая часть детей уже лежала в своих кроватках, готовясь к послеобеденному сну. Некоторые, не желавшие спать, бегали по комнате и требовали то попить, то пописать. Увидев нас с мужем, они кинулись к нам. Воспитатели удерживали натиск, как могли.

Мне сразу представилась картина, когда пытаешься засунуть в шкаф много вещей одновременно, и они при закрытии створок не входят, а просто вываливаются из него.

Когда буря утихла и воспитателям всё же удалось уложить детей, с криком радости со скоростью света откуда-то вылетел карапуз, вцепился в Данилу, уткнулся в него и скороговоркой начал повторять: «Дядя, дядя, дядя». Это звучало так ласково, так нежно, что все замерли. Воспитатели пытались оторвать его от моего мужа, у которого уже текли слёзы, и он еле сдерживался, чтобы не прижать к себе этого милого мальчугана.

Наблюдая за всем этим, я подумала, что нам придётся усыновлять двоих. Забрав мальчика на руки, воспитатели объяснили нам, что у него есть бабушка с дедушкой, которые уже оформляют документы на опеку. Нам с мужем стало легче.

Всё это время сбоку от меня, молча наблюдая, тихо стояла Аня. Мне показалось, что она даже перестала дышать, она просто замерла.

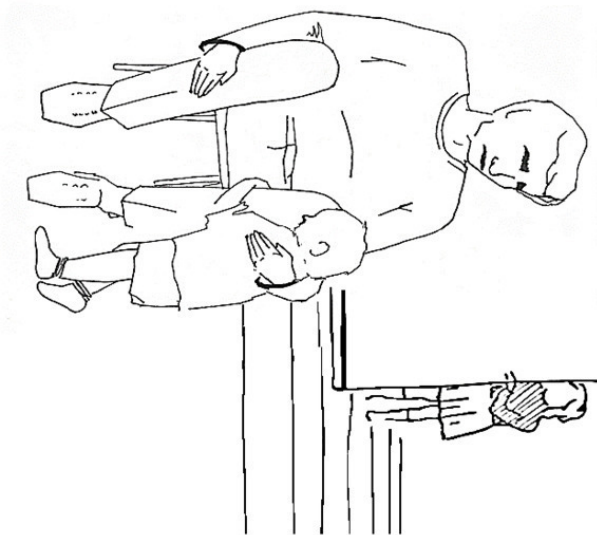
Я наклонилась к ней и шепнула:

– Привет, ребёночек! Что тебе сегодня снилось?

Она так же тихонько, застенчиво глядя на дядю, ответила:

– Солнышко.

Было ощущение, что она тоже хотела уткнуться в Данилу и радостно кричать: «Дядя, дядя, дядя!».

Муж, приходя в себя и смахивая наворачнувшиеся слёзы, украдкой посматривал на Аню. Мы встретились с ним взглядами. И на мой немой вопрос он кивнул: «Наша».

Воспитатели, нянечки и главный врач не верили своим

глазам. У них такое происходило впервые...

Воспоминания мужа

Тяжёлые в эмоциональном плане были минуты.

Я подумал, что мы уедем не с одним, а с двумя детьми, если не больше...

Поднимаясь с низенького стульчика группы, я обернулась. Да это был мой *тот самый* сон: спальная комната, полумрак, четыре ряда по пять кроваток и убегающий радостно ребёнок со светлыми волосиками, рассыпанными по спинке... и не по размеру большими трусиками, парусящимися на попке.

Нас снова пригласили в кабинет главврача, на этот раз чтобы открыть нам историю жизни и болезни... Мы попросили на подробностях не останавливаться: нам это было неважно и неинтересно. Как врач, я назвала диагноз, который предполагала. Он подтвердился. Что ж, мы, понимая в какой детский дом нам дали направление, заранее обсудили с мужем, детьми и сестрой этот вопрос и решили, что это нас не остановит, хотя сначала и была надежда, что у нас будет здоровый ребёнок.

Растерянная и крайне удивлённая, врач ещё раз предложила нам всё обдумать и взвесить. Мы были полны решимости. Ни минуты не сомневаясь, подписали документ, что являемся усыновителями этого, уже нашего, ребёнка, и о неразглашении врачебной тайны.

Мы вернулись домой. Душа моя пела, но тоска разлуки

становилась невыносимой. На следующий день, в воскресенье, чтобы грусть совсем не съела меня, я устроила шопинг по детским магазинам. Купила пару костюмчиков, ветровку, маечку, трусики. Размер выбирала на глаз. Придя домой, развесила всё на вешалках на дверце шкафа, и, лёжа на диване в позе эмбриона, смотрела на милые детские вещички и думала о своей доченьке, разговаривала со своим ангелом-хранителем, благодарила его и просила помощи в дальнейшем. Так и уснула.

А в это время там, в детском доме, со слов воспитателей, Аня была грустной, постоянно выглядывала в окно, каждый раз, когда открывалась дверь в группу, подскакивала. Ждала. Так она ещё в своей жизни никого не ждала. А вечером, когда детки ложились спать, со слезами на глазах спросила:

– А что, тётя с дядей ко мне больше не придут?

Рано утром в понедельник мы с сестрой приехали в детдом для решения всех организационных вопросов, чтобы забрать девочку домой. Весть об усыновлении Ани уже облетела весь детский дом. В приёмной директора сидела женщина лет пятидесяти, видимо, секретарь. В недоумении поглядывая в мою сторону, тихим «маленьким» язычком она произнесла:

– И зачем вам это надо? Своего родили бы, а тут такое... – и берёте.

Глядя ей прямо в глаза, я ответила:

– Представляете, проснулись мы с мужем утром и думаем, а кого мы ещё не спросили? ... Оказывается, вас.

При этом мой взгляд стал холодным, голос – жёстким, не терпящим дальнейшего обсуждения.

Она опустила глаза, взяла папку с документами и стала молча переключать их с места на место.

Встреча с директором прошла в более дружеской обстановке: она рассказала, что у неё самой две дочки, и как это прекрасно; упомянула, какое денежное вознаграждение нам причитается, сколько сбережений у Ани на счёте – можно машину купить! Остановил её мой вопрос:

– Когда можно забрать ребёнка?

– Вы оформляете опеку?

– Нет, мы идём на усыновление.

– Тогда месяца через два или даже три.

– Почему так долго?!

– Мы должны подготовить документы, пройти всех специалистов и т. д.

– Неужели на это нужно столько времени?

– К сожалению, это так.

– А если мы будем оформлять опеку, тогда это будет быстрее?

Тут директор задумалась, позвонила в отдел опеки, объяснила ситуацию, что нетерпеливые усыновители хотят забрать ребёнка в семью уже сегодня.

В этот понедельник мы с сестрой много раз ездили из от-

дела опеки в детский дом и обратно.

Марина Юрьевна, специалист опеки, быстро переделала документы с усыновления на опеку, оформила бумаги на гостевое взятие ребёнка в семью для адаптации и знакомства. С этими документами я вернулась в детский дом.

... Там вкусно пахло котлетами, компотом, стучали ложки: был обед. В следующий приезд этого же дня, чтобы ещё раз увидеть Анюту и сказать ей собирать «чемодан», нам пришлось ждать её в отдельной комнате, пока шёл урок музыки.

Пока мы ждали, тихонько открылась дверь и несколько сотрудников друг за другом «случайно» прошли мимо нас, с огромным любопытством разглядывая меня и сестру. Мы не поняли, что они сказали, вроде бы поздоровались, как-то странно жестикнули, но очень доброжелательно. Трое из них остановились чуть поодаль, и мы услышали негромкий разговор: «Сразу видно, иностранцы, а как они похожи между собой!». Мы не выдержали и начали смеяться... А спустя несколько минут уже хохотали вместе с ними.

Вскоре из кабинета музыки появились детки от двух до четырёх лет, они шли, держась за руки. Проходя мимо нас, они замедлили ход, затем совсем остановились, натякаясь друг на друга. Мы смотрели на них, они смотрели на нас. Воспитателей не было – только мы. Дети стали подходить к нам всё ближе и ближе. «Что делать, как себя вести?» – мелькнуло у меня в голове.

И вдруг белокурая, с красными щёчками Анютка сердито

начала заталкивать детей в комнату. Закрывая дверь и держа её спиной, упираясь ногами в пол и руками в дверные косяки, громко начала кричать: «Это мои тёти, это не васы тёти. Не пусю!». Бой продолжался. Дети напирали, Аня сдерживала натиск, обороняясь изо всех сил, и что есть мочи продолжала сердито кричать. На шум прибежали воспитатели, закрыли дверь и оставили нас наедине.

Опасность миновала, и перед нами уже кротко стояла моя девочка с опущенными ресничками. Это уже был не воин, это был просто ангел...

Наконец нам вынесли подписанные документы, которые мы снова должны были отвезти в органы опеки.

– Анечка, ты нас жди. Пообедай, поспи. А когда проснёшься, мы уже за тобой приедем, как обещали.

В это время кто-то из проходящих врачей или воспитателей радостно воскликнул:

– Аня, ты поняла, что к тебе пришла твоя мама? Ты её так сильно ждала. Какая она у тебя красивая!

Наш ангелочек смотрел то на меня, то на сестру, и не понимал, кто из нас её мама, но как она была счастлива!

Чтобы не терять времени, мы с сестрой поехали в магазин, купили обувь, захватили новенькую одежду из дома и помчались в детский дом.

В дверях стояли главный врач и директор и, увидев нас, хором произнесли:

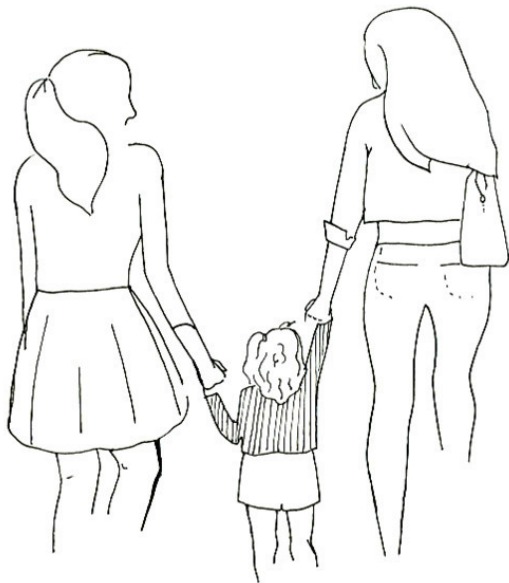
– А мы вас сегодня уже не ждали.

И вот момент настал. Нам вывели маленькую, несколько напуганную, но в то же время счастливую девочку. Ведь она ждала именно нас, и ждала именно сегодня. Мне хотелось кинуться к ней, обнять её, кричать, что я её люблю и что я её мама.

Когда Аня нас увидела, казалось, что она начнёт прыгать от счастья, но чувство радости боролось в ней с чувством страха, неизвестности, тревоги. И я побоялась её спугнуть, понимая, что нужна пауза, в первую очередь, ей.

Немного поборов робость, Аня с интересом заглянула в пакет, достала новенькие, ещё с этикетками, вещи и с изумлением спросила: «Это всё мене?».

Директор и главный врач забыли, что рабочий день давно закончился и им пора домой. Они понимали, что начинается новая жизнь этого маленького человечка, и слёзы радости блестели у них на глазах.

Держась за руки, мы втроём вышли из детского дома.

Когда шли по дорожке, нас провожал весь персонал: повара, нянечки, воспитатели, дворник, врачи, медсёстры. Кто-то хлопал, кто-то махал, кто-то просто плакал.

«Анечка, какая ты счастливая! Как тебе, деточка, повезло! Какая у тебя мама красивая!» – доносилось со всех сторон.

Но наши ангелы-хранители знали, что счастливы и мы, что повезло и нам, и у нас доченька красивая!

Да, это многого стоит – испытать такое сильное чувство счастья, тепла и любви.

Глава 2. Маугли. Дорога к дому

Мы подошли к машине.

– Тётя, что это?

– Это наша машина, доченька.

– Наса?

– Да, наша, – сдерживая улыбку, сказала я.

– И мой тоза? – продолжала Анята.

– И твоя тоже.

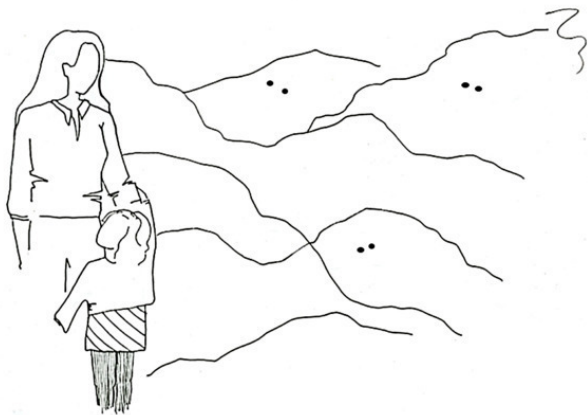
Я посадила ребёнка на заднее сидение, пристегнула. Любопытству малышки не было конца, как, впрочем, и страху.

До дома ехать было недалеко, но путешествие это помню, как сейчас. Нижний край окон в машине был на уровне Аниных бровей, поэтому ей видно было только небо и верхушки деревьев. Вытаращив свои глазёнки, она не отрывала их от всего, что видела, пугалась больших машин, внезапно проходящих рядом. В зеркале заднего вида я наблюдала, как она, отшатываясь от окна, каждый раз крестилась, бормоча что-то себе под нос.

Когда мы приехали, я поставила машину на стоянку, объяснив Ане, что стоянка – это садик для машин, и они здесь спят. Дальше мы пошли пешком. Держа её руку, я чувствовала, как крепко она сжимает мою, как прижимается ко мне всё ближе и ближе.

Подойдя к небольшой аллее, вдоль которой росли дере-

вья, Анята остановилась и со слезами на глазах произнесла:
– Тётя, я туда не пойду, там лес, там волки!

Наблюдая всё это время за ней, ловя каждую эмоцию, как бы впитывая всю её, я не удивилась и без промедления ответила:

– Хорошо, пойдём по другой аллее, там только травка и цветы – нет деревьев!

Эта аллея шла от университетской площади. Люди обгоняли нас, люди шли нам навстречу. А мой ребёнок продолжал жаться к пока ещё незнакомой тётё, которая вдруг стала ему мамой. Так потихоньку мы преодолели первое препятствие.

На повороте во двор Аню напугала яма глубиной око-

ло полуметра. У неё затряслись ручки и ножки, бледное и до этого личико стало белее полотна.

– Тётя, тётя! – дёргая меня за руку, причитала Анюта, – я упаду, я упаду!

Пришлось обходить эту яму на расстоянии десяти метров и пробираться по газонам....

Из-за угла дома выбежала кошка, напугав Аню своей стремительностью... текли слёзы, дрожало всё тельце – это всё было страшным, невиданным и ужасным...

Присев на корточки так, чтобы Анютины глаза были на уровне моих, я сказала:

– Анечка, доченька, я теперь твоя мама. И я никогда никому тебя не дам в обиду, потому что мамы любят, оберегают и охраняют своих деток.

Прижав ребёнка к себе, я взяла её на руки... Уткнувшись в меня, она даже прикрыла от страха глаза и украдкой подглядывала за всем, что происходило вокруг неё. Так мы добрались до подъезда и поднялись на четвёртый этаж.

Встреча с Добби

Когда я открыла дверь квартиры, виляя хвостиком и радуясь, к нам навстречу выбежала наша собака Добби, ростом чуть меньше Анюты. Мы даже не успели оглянуться, как большой мокрый язык несколько раз лизнул маленькое удивлённое личико девочки.

Реакция Анюты была молниеносной. Она заплакала горькими слезами, обхватив мою ногу так, что я на себе почувствовала, что значит страшно.

Добби увели в другую комнату.

Теперь мы, взрослые, были в недоумении: что делать? С одной стороны двери плакала девочка, с другой стороны скулил наш любимый питомец. Домочадцы по очереди ходили то к Анюте, объясняя ей, что это не волк, не монстр и что Добби её очень ждала и так сильно обрадовалась, что просто поцеловала; то к собаке, уговаривая Добби не скулить. Так продолжалось достаточно долго. Уступила Добби и осталась сидеть при закрытых дверях.

Тогда Аня согласилась снять курточку, ботиночки и тихонечко устроилась на краю дивана, положив ручки на колечки. Дядя-папа подарил ей большой красивый косметический набор. Анюта доставала каждый предмет и спрашивала:

– Что это? Для чего? А зачем? А почему? Это мене? И это тоже мене? А правда, что это только моё?

Первый вечер

В детском доме нас предупредили, что из-за большого количества диатезных детей разносолов практически не было. Утром каша, в обед суп, пюре, котлета и компот. Вечером тоже каша. Если давали яблоки, то не очень сладкие и зелёные.

За ужином при виде котлеты Аня обрадовалась и сказала, что это она будет, и будет две. От овощей и фруктов она категорически отказалась, объясняя нам, что это просто невкусно. А вот конфетку запихнула себе в рот, да ещё прихватила с собой по три в каждый кулачок. Встав из-за стола, спросила, куда отнести грязную посуду. Икнула и пошла знакомиться с апартаментами.

Изучая квартиру, добралась до ванной:

– Здесь купаются?

– Да, – ответили хором мы, – и водичка тебе уже набралась.

Постояв около наполненной ванны, с интересом наблюдая за образующейся пеной, произнесла:

– Я буду здесь купаться. Долго.

Купалась, плюхалась часа полтора. После ванны и массажа малышку уложили в кроватку. Всё вокруг рассматривалось, с большим интересом ковырялось пальчиком везде, где можно было дотянуться, даже в темноте.

Через двадцать минут в комнате наступила тишина. Муж зашёл проверить, уснула ли девочка.

Широко распахнутые глазёнки, уставленные в потолок, медленно повернулись в сторону папы:

– А где тётя? – спросил ребёнок.

– Не тётя, а мама. Она тоже сейчас готовится ко сну, купается, – очень спокойно ответил Данила.

– Ну да, тётя, которая мама, – согласилась Анюта. Помол-

чала, а потом добавила:

– А ты, папа, иди. Я думать буду...

Первая ночь

Практически всю ночь я провела у постельки Анютки. Спала она беспокойно, вскрикивала, постанывала, периодически садилась и даже вставала. Я её тихонечко укладывала, напевая колыбельную. При моем прикосновении, попытке взять на руки девочка вздрагивала, просыпалась и напуганными глазёнками смотрела на меня. Но убедившись, что она всё-таки в безопасности, тихонечко отодвигалась от меня, чужой тёти, и, закутываясь в одеяло как в спальный мешок, засыпала. Я поняла, что гладить, обнимать, целовать и баюкать ещё рано. Но я сидела на полу около её кровати и просто смотрела на неё, слушала её дыхание. И мне было хорошо.

Первое утро

Утром готовлю завтрак и вдруг слышу громкий плач. Забегаю в спальню и вижу: сидит ребёнок в кроватке, рыдает и зовёт:

– Тётя, тётя!

– Анечка, девочка, что случилось? – спрашиваю взволнованно.

– А-а-а... не хочу больше спать, тётя! Я писать хочу! – продолжая плакать, отвечает Аня.

– Доченька, так ты и не спи! Вставай, умывайся, одевайся, да и завтракать пора, – уже возвращаясь в кухню и выключая чайник, кричу я.

Немного успокоившись, всхлипывая, Аня сползла с кровати. Я отвела её в ванную. Там мы два раза чистили зубы, пять раз мыли руки разными жидкими мылами, надувая мыльные пузыри. Я корчила рожицы. Сначала Аня удивлённо смотрела на меня, потом начала смеяться, тоже пытаюсь корчить рожицы.

– Ащё, ащё, тётя, мама! Ащё хочу! – весело просила меня Аня.

– Нет, доченька, хватит, в другой раз. Надевай халатик и идём завтракать. У меня уже всё готово.

Тем временем я накрыла стол и разложила всякие вкусности. Жду-жду, а ребёнка всё нет. Захожу в комнату и вижу: Аня сидит на диване в колготках, платье и туфлях. Ручки на коленочках. Единственное, что я успела сообразить в ту минуту и выпалить:

– Тебе не жарко?

– Жарко, – серьёзным голосом ответила Аня.

– Так разденься! – сдерживая улыбку, произнесла я.

– А что, можно? – удивилась Аня.

– Можно-можно. Тебе всё можно. Ты ведь у себя дома! – уже не сдерживая смеха, ответила я. А затем продолжила:

– Ну ладно, пошли полопаем, а потом уже переоденешься, разденешься или ещё теплее оденешься, как захочешь сама.

Каша, хлеб с сыром были съедены. Ветчина, яйцо, красная икра были не тронуты, даже не вызвали интереса.

Обед, полдник, ужин – огурцы, помидоры, перец, персики, арбуз, дыня, сгущёнка, сосиски – просто пролежали нетронутыми. Суп, пюре, котлета, булочка, компот уплетались за обе щеки.

Я предлагала Анюте хотя бы попробовать, она равнодушно отказывалась. Я не настаивала. Но вот конфеты и шоколад манили и завораживали ребёнка. Это было действительно райское наслаждение. Чтобы Аня не объедалась, пришлось убрать в шкаф и выдавать ей понемногу.

Игра в «ляльку»

Через несколько дней Аня позволяла уже брать её на руки. И это ей нравилось. Она могла часами находиться на руках, и мы с ней обходили всю квартиру.

Весело и с хохотом включали и выключали все лампочки и светильники. Так начался наш телесный контакт. Она всё реже и реже называла меня тётёй, в основном – мамой.

Первый поцелуй

В очередной раз мы собирались в детский дом, чтобы

отметиться. Я помогала Ане одеваться, повторяя потешку «Идёт коза рогатая», и делала ей «бадучки-бадучки». Она смеялась и падала на подушки. Я её щекотала, целовала в щёчки, лобик, ручки, ножки. И вдруг она с удивлением спросила меня:

– Мама, а что ты делаешь?

Не понимая вопроса, я ответила:

– Помогаю одеваться своей доченьке!

– Нет, не это.

– А что?

– Вот так, губками, – вытягивая свой ротик вперёд, показала Аня.

Я сидела на корточках и смотрела в её удивительно голубые глаза:

– А это, доченька, я тебя целую.

– Целую? – и открыв ротик, она прикоснулась к моей руке. Это был первый в её жизни поцелуй.

Чтобы не заплакать, я взяла её на руки. Прижала крепко к себе и, целуя, прошептала на ушко:

– Ты моя самая любимая доченька! И мы теперь будем с тобой вместе всегда!

Каша

В детском доме, чтобы детки ели хорошо, был закон: кто съест всю кашу, тому дадут добавочную котлету.

Я несколько дней смотрела на ребёнка, который засовывал кашу в рот, пытаясь проглотить её не жуя. Но каша не глоталась и всё пыталась выйти обратно. И тут я не выдержала:

– Доченька, а я вот, например, когда не хочу есть что-то, то я и не ем. И никто не может заставить меня есть то, что я не хочу и что мне не нравится.

Анюта смотрела на меня и не понимала, ругаюсь я или нет.

Тогда я, улыбаясь, продолжила:

– А котлету будешь?

Тарелка с кашей тут же отодвинулась на край стола.

– Буду! – радостно ответила Анюта.

На этом мучительное поедание каши у нас прекратилось.

Первые дни дома

Я специально взяла отпуск для усыновления ребёнка. Думала, что мы все вместе поедем на море. В дороге и на море, мне казалось, мы быстрее сблизимся, узнаем, поймём друг друга. Но планы мои разрушились сразу же, как только мы

забрали малышку из детского дома.

Дело в том, что на семейном совете мы решили, что ребёнок будет усыновлён, и фамилия у нас у всех будет одна. Речи об опекунстве не было. Но нам пришлось пройти через опекунство, чтобы быстрее забрать Анюту домой. Тем временем процесс усыновления продолжался. Оформляя опекунство, мы обязаны были регулярно ездить в детский дом отмечаться.

Ничего обидного в этом не было. Таким образом, у ребёнка получилась плавная адаптация перехода в семью.

Когда в первый раз мы вернулись в детдом, чтобы отметить, Аня расплакалась. Я присела на корточки и спросила:

– Лапочка, а что случилось?

Её глазёнки смотрели исподлобья с обидой, губки тряслись, по щекам текли ручейки.

– Дочка, доченька, в чем дело? – тихонечко вытирая её слёзы, спросила я.

Но то, что я услышала в ответ, болью пробежало по всему моему телу.

– Не оставляй меня здесь, я не хочу туда идти!

– Дай мне руку, – сказала я.

Держа друг друга за руки, мы сели на лавочку.

Минуту я не могла говорить и только крепко держала её маленькую ладошку. Сидели молча, я смотрела на небо. Оно было голубое, тёплое. Собравшись с мыслями, я сказала:

– Понимаешь, доченька, мы теперь с тобой вместе навсегда. Мы не можем, например, остаться здесь. Утром мы с тобой договорились, что съездим в гости ненадолго в детский садик, всех повидаем, поболтаем, покажем врачам животик, горлышко, возьмём микстурки и поедем обратно домой.

Анюта подняла на меня глазки и радостно, но с долей сомнения, спросила:

– Так ты меня заберёшь потом обратно?

– Ну конечно! – вставая и протягивая ей руку, сказала я. – Ты мне доверяешь?

– Да, – ответила она.

И мы пошли. Надо сказать, что встречи были радостные. Чувствовалось, что в этом детском доме Аню любили все эти годы, и не одни руки заботились о ней. Добрых рук вокруг было много. И как я от этого была счастлива, и как я этим рукам благодарна!

Спасибо вам, добрые люди!

Через неделю директор разрешил нам приезжать через день, а потом – через два.

Помню, в один из таких визитов в детский дом, когда мы уже уходили с Анютой домой, детки гуляли на улице. Один из малышей заплакал и стал кричать на весь детдом:

– Аня, Аня, ты куда...?

Видимо, ему воспитатели и нянечки стали объяснять, что Аня пошла с мамой домой. После чего горький плач заполнил весь двор и, всхлипывая, малыш кричал:

– А-а-а... Я хочу такую же маму, как у Ани...

Пишу это, а сама плачу, потому что даже сейчас слышу его голос. Это был крик, зов его души. До сих пор думаю: «Как же сложилась твоя судьба, малыш? Прожил ты эти дни один, или тебе жизнь подарила семью?».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.